

Федор ОШЕВНЕВ

г. Ростов-на-Дону

Встречный удар

Вечером на небольшой железнодорожной станции сделал остановку пассажирский поезд. Среди немногих сошедших с него был и новоиспеченный старший лейтенант по фамилии Серков.

Осторожно обходя лужи на перроне, чтобы не запачкать блестящие, начищенные еще раз перед выходом из вагона сапоги, офицер направился к автобусной остановке. Там он поставил свой командировочный чемоданчик на мокрый асфальт и оглядел знакомую привокзальную площадь.

Знакомую потому, что прикатил старший лейтенант в городок, где родился и рос, учился в школе, а потом именно вот с этой станции отправился поступать в военное училище.

Когда командир батальона объявил Серкову, что тому «предстоит убыть в служебную командировку» — в областной центр, от которого до родины старшего лейтенанта, маленького районного городка, и езды-то было всего ничего, — офицер привычно откозырял:

— Есть убыть завтра, товарищ подполковник...

И только уже выходя из кабинета комбата, вдруг неожиданно понял, что вполне сможет на денек-другой заскочить к родителям, которых не навещал около двух лет. Последний раз гостил по окончании военного училища, да и то недолго: скучновато в банальной провинции, на модном курорте куда предпочтительнее. На Черноморском побережье провел и оба очередных отпуска.

Билет Серков взял на самолет, чтобы сколько-то времени выгадать за счет дороги, но от Воронежа пришлось добираться поездом — какой уж тут «Аэрофлот».

В вагоне офицер то и дело посматривал на часы, без особой заинтересованности пытался читать захваченный в дорогу свежий триллер Данила Корецкого и, не зная, чем еще скоротать время, надраивал в тамбуре и без того сияющие хромовые сапоги. Похоже, впервые в жизни старший лейтенант столь остро чувствовал тоску по родным местам.

Итак, Серков стоял на привокзальной площади. Казалось, ничего здесь не изменилось за минув-

Встречный
Удар

рассказы

шие годы. Уличные фонари горели через один, но автобусная остановка чуть освещалась падающим из окон зала ожидания светом. Внутри ее будки была набросана куча мусора, единственная лавочка поломана, а из дальнего угла, спрятавшись там от дождя, устрашающе ворчал на всех ничейный пес. Снаружи, по побелке, будку со знанием дела расписали — в основном бранными словами и выражениями.

Серков ничего этого сейчас не замечал. Будущее представлялось ему блестящим, как новая форменная звездочка, которую он, предварительно обмыв в стакане в кругу сослуживцев — армейская неписаная традиция, — недавно прикрепил к своему погону. В мыслях Серков уже встретился с родителями и с гордостью принимал их поздравления с новым воинским званием.

Фуражка у старшего лейтенанта успела промокнуть, когда наконец подъехал полупустой автобус. Расталкивая остальных ожидавших транспорт людей, к передней двери его рванулась юркая бабка с дородным мешком через плечо.

«Вот тебе и божий одуванчик, — невольно подумал, сторонясь поспевающей, Серков. — А прет прямо как бронетранспортер...»

Меж тем бабка, походя двинув поклажей по очкам пожилому мужчине в шляпе и с дипломатом в руке, проворно взобралась на ступеньку автобуса и прочно застряла со своей ношей в дверях. Не выпуская ее из рук, бабка молча и упрямо рвалась в салон.

— Ну что же вы стоите, а еще офицер! Давно бы помогли! — сделал замечание Серковуправлявший очки пожилой мужчина и брезгливо поморщился.

«Указывать-то и я умею», — досадливо подумал раскритикованный.

Он нехотя, опасаясь испачкаться, высвободил увесистый мешок из дверей и боком пронес его в салон автобуса. Божий одуванчик тотчас обосновалась спиной к водителю и лицом к попутчикам, уместив поклажу между ног и уложив на мешок сухие пергаментные руки.

— Ну и ну! — заметил, опускаясь на одно из средних сидений, мужчина, только что поучавший Серкова. — Первобытные люди и то культурнее были! — и покачал головой, косясь на обладательницу бесценного груза.

Мужчине не возразили, но и не поддержали, и он со вздохом отвернулся к окну.

Сидячих мест с избытком хватило на всех пассажиров. Водитель подождал немного, завел двигатель...

— Э-эй! — раздалось с улицы. — Стоять, шеф!

И в заднюю автобусную дверь с разгона вломилась разновозрастная компания парней, человек шесть. Они шумно сгрудились на задней площадке.

Ребята были чем-то схожи меж собой, хотя на вид все разные: один, едва не упирающийся головой в потолок автобуса, — с пушкинскими бакенбардами; другой — среднего роста крепыш с короткими пшеничными волосами и такого же цвета усами подковой; третий — лысеющий коротышка с красными пятнами на испитом лице, отряхивающий от дождя фуражку-блин тигровой расцветки. Серкову тут же подумалось, что дешевое красное вино, которое пятнистый точно хлебал сегодня, предательски проступило у него на физиономии.

Среди парней выделялся патлатый, с подбритыми висками подросток, и старший лейтенант про себя отметил, что взрослая компания не для такого салажонка. А чуть позже понял, что общим в парнях было их развязное поведение и то, что все, включая подростка, оказались навеселе.

Автобус отъехал от остановки. Испитой коротышка начал что-то увлеченно рассказывать товарищам, смачно матерясь почти через каждое слово.

На остановках входили и выходили люди, рассказчик-хам продолжал изощряться в ругательствах, компания парней одобрительно гоготала, а все остальные пассажиры делали вид, будто ничего не слышат.

Впрочем, именно Серков внимания на цензурщину сразу и не обратил: мысли его были заняты предстоящей встречей с родителями, да и вообще — подумаешь, эка невидаль — мат. В армии его выше крыши.

Однако сидящий рядом с Серковым через проход мужчина — тот самый, в очках и с дипломатом, — укоризненно посмотрел на офицерские погоны. Старший лейтенант понял молчаливый упрек... Но ругань не остановил, отчетливо сознавая: здесь одним замечанием не отделаешься.

Решил выждать время — глядишь, может, все само собой и утрясется.

Мужчина в очках буркнул под нос что-то вроде: «Нда-а...» — и повернулся лицом к компании, веселящейся на задней площадке. Открыл рот — видимо, чтобы одернуть хама-рассказчика, — однако в последний момент передумал и прикусил язык. Снова вздохнул и недовольно уставился в пол.

«Жидок ты на расправу, дядя, — мысленно оценил Серков нерешительность Интеллигента, как про себя окрестил соседа по автобусу. — Чужими-то руками — известно — любое дело делать проще. Великий принцип «только не я» — сработал».

А почему «не я»?

Неожиданно ему вспомнилось, как товарищ-курсант когда-то рассказывал про самый сокрушительный удар в боксе: встречный. Это если кто-то на ринге пытается противнику прямым по челюсти въехать, а тот, уклоняясь, одновременно бьет соперника — вразрез в голову и чаще с правой руки. Атакующий боец не ждет и не видит контрудара, скорость и сила которого удваиваются за счет слагающихся движений спортсменов. Такой пропущенный встречный зачастую приводит к тяжелому нокауту. Впечатление со стороны: зарвался и нарвался. К слову, поговорка с подковыркой «тот, кто бьет, — тот и падает» известна почти любому мастеру кожаной перчатки.

Напоровшиеся на классический встречный, бывает, долго потом осторожничают. Даже на тренировках. Кругами по рингу бегают, пассивно бой ведут. А в единичных случаях бросают бокс напрочь из-за боязни вновь нарваться на этот страшный и коварный удар.

Вот и Интеллигент промолчал, учтя реальную вероятность нанесения подобного, в переносном смысле, встречного со стороны парней. Не проявляли активности и остальные пассажиры, да и сам Серков. Впрочем, он-то плюс ко всему опасался еще и вторичной угрозы — негативной реакции со стороны начальства, которое, получив сигнал об участии офицера в драке, вполне могло, не особо даже и разбираясь, наказать запятнавшего честь мундира и подразделения.

Проехали еще две остановки. Бессловесный внутренний протест пассажиров нарастал.

Правда, теперь в автобусе из способных как-то противостоять веселой компании оставалось лишь трое: офицер, Интеллигент да хлипкого вида парень, усердно водящий пальцем по экрану смартфона, жаргонно — «рукоблудника». Нет, никто из них так и не решился примерить на себя роль героя, как часто в пиковых ситуациях и бывает.

Часто, но все же не всегда. В мае прошлого года Серков оказался свидетелем врезавшегося в память противоположного случая. Тогда он тоже находился в командировке: приехал за молодым пополнением в один из уральских городов.

Отметившись с утра на призывном пункте, в ту пору лейтенант, чью команду новобранцев должны были формировать лишь через день, решил познакомиться с городом. Побродил по центру, потолкался в местном ЦУМе, прогулялся по Парку культуры и отдыха, а потом сел в первый же попавшийся троллейбус и без определенной цели поехал кататься по улицам.

Подобный эмпирический способ изучения населенных пунктов в командировках использовался не впервые: куда интереснее было самостоятельно выйти на какую-то уличную достопримечательность.

Таким путем и попал Серков в тот раз на окраину города, сойдя на конечной остановке троллейбуса. Справа от нее дымил трубами металлургический завод. Перед управленческим зданием его, на прямоугольном постаменте красного гранита, высился бронзовый памятник-бюст, увековечивающий память основателя предприятия. Вспомнилось когда-то читанное: увидеть подобную скульптуру во сне — к удачному решению проблем. Налево от заводской ограды располагался большой пустырь, за которым возвышалось несколько многоэтажек-новостроек и виднелся молодой лиственный лес.

Серков пожалел, что не успел сесть в тот же, что и завез его на окраину, троллейбус, но — делать нечего — стал ожидать следующего. Между тем из заводской проходной вышли и остановились невдалеке две женщины: в возрасте — одетая в строгий темный костюм и средних лет — в желтом клетчатом платье.

Офицер мало вслушивался в разговор — что интересного в бабьей болтовне, — но тут внимание ожидающих транспорта людей привлекло

появление группы подростков, малой скоростью двигающейся мимо остановки по направлению к лесному массиву. В центре кучки слабо упирался и ежился от тычков и подталкиваний шупленький — соплей перешибешь — белобрысый паренек, которого несколько сверстников явно вели «на заклание».

— Шагай-шагай, сексот несчастный, — ввалил очередного пинка шупленькому самый здоровый из «палачей», длинный мордастый парень в лимонной тенниске и синих тренировочных брюках. — Сейчас за все разберемся...

Как и сегодня, в тот момент Серков тоже сразу подумал, что надо бы вмешаться и предотвратить расправу, но... Не хватало еще завтра на призывной пункт с синяком под глазом или распухшей скулой заявиться, а ведь порассудить начальники могут всяко. Опять же и на помощь слабого пола рассчитывать не приходилось. Ходи потом разукрашенный, доказывай, что ты не верблюд.

И лейтенант мысленно успокоил себя: «Подумаешь, проучат немного ябеду...» Молящие взгляды женщин офицер предпочел игнорировать.

Однако пожилая дама вдруг сделала именно то, что надлежало бы сделать ему самому, мужчине.

— Как вы можете? Звери! Немедленно отпустите его! — гневно воскликнула она.

Даже такой, всего лишь словесный протест против готовящегося «заклания» сразу вызвал замешательство в рядах «палачей». Этим оперативно и воспользовалась «жертва», прорвавшая кольцо мучителей и помчавшаяся наутек через пустырь, в сторону ближайшей девятиэтажки.

Длинный парень умело выругался, но к женщине при молодом офицере, стоящем рядом, цепляться не рискнул и негодуя отошел с приятелями. А вскоре к остановке подрулил очередной троллейбус. Серков в нем ехал и радовался, что мордастый не пристал к женщине, ибо в противном случае ему, офицеру, уж не миновало бы круто вмешаться, и решительно неизвестно, как бы оно все потом обернулось. Однако в сегодняшнем случае...

...Что ж, Интеллигент расчетливо оценил обстановку и расстановку сил. Но, не глядя в сторону компании парней, и он, и сидящие в автобу-

се женщины, и старик со слуховым аппаратом выразительно посматривали на Серкова, должно быть, про себя возмущаясь: он-то, он, защитник Родины, почему молчит?

А «защитника Родины» злили эти осуждающие взгляды. Нет, абстрактно он соглашался, что офицер всегда и везде должен вершить справедливость и что военная форма ко многому обязывает, и что... Но...

Но по сути своей старший лейтенант не был героем — правда, и не стремился им хотя бы казаться в глазах окружающих (иные офицеры, он это точно знал, именно так и делали, красочно живописуя свои измышленные подвиги). И так как, ко всему прочему, Серков обладал весьма заурядной внешностью и силой, то частенько тяготился своим мундиром, отчетливо ощущая, какой тяжелый груз ответственности несет на плечах вместе с погонами, и понимая, что от этого груза не освободишься даже в «гражданке» и «на гражданке» — то есть в гражданской одежде и вне стен воинской части.

Серков и в училище-то поступал не по призыванию или, скажем, семейной традиции, а за компанию с одноклассником, увлекшись рассказами того о романтике офицерской профессии. Да еще потому, что конкурс в выбранный военный вуз был небольшим. Однако судьба-владычица повернула все так, что Серков-то курсантом стал, друг же его до проходного балла не дотянул и позднее угодил в солдаты.

«Что, рискнуть одному выступить против шестерых? — рассуждал Серков, меж тем как автобус продолжал рейс. — Ну, было бы парней двое, даже трое — куда ни шло. Тогда бы и этот, в очках, тоже встал, а сейчас, скорее всего, промолчит. И вряд ли компания настолько глупа, чтобы затевать потасовку в салоне. Просто выйдут следом за мной на остановке и набьют морду. Это когда-то офицер с собой личное оружие круглый год носил, и можно было при случае хулиганам пистолетом пригрозить, а то и вообще под дулом до милиции довести. Сейчас — шалишь, пистолет только в наряд да на стрельбы. Ну, еще если начальником караула по сопровождению воинских грузов назначат, тоже на руки получишь. Или, может, оно и правильно? А то как шарахнут вечером сзади колом по голове — из своего же «пээма» смерть потом при-

мешь. Если же бандюга стрелять не рискнет — все одно «за утрату личного оружия» трибунал засудит. Куда ни кинь — везде клин. Вот и сегодня что получается: ты подставь морду, а мы кучей набьем. Самое же паршивое — попутчики-то: один посочувствует, другой пожалеет... но ведь никто не поможет. И уж явно не поедет к моему начальнику политотдела засвидетельствовать, что я «помогал наводить общественный порядок».

Поэтому Серков, подобно другим пассажирам автобуса, молчал, не реагируя на ругань, хотя многие из них этим молчанием человека в погонах были ох как недовольны.

Тут подростку с подбритыми висками надоело стоять, и он плюхнулся на свободное сиденье позади Интеллигента. Достал пачку «Примы», щелкнул зажигалкой, закурил. Со вкусом затянулся и дым дерзко выпустил в затылок, прикрытый коричневой шляпой. Этого Интеллигент уже не стерпел.

— Да как ты смеешь! Что за хамство! Сейчас же прекрати курить в салоне!

— Заткни пасть, дядя, а то в момент по ушам схлопочешь.

И подросток выругался равнодушно и трехэтажно.

Остальные пассажиры автобуса замерли, мысленно возмущаясь столь откровенной наглостью. Бабка на переднем сиденье еще крепче вцепилась в мешок. Но никто не подошел к водителю и не потребовал отвезти распоясавшегося хулигана в милицию.

«Осадить надо хама, извиниться заставить, — про себя негодовал и Серков. Но подспудная мыслишка удерживала от активных действий: — Зачем торопиться — по физиономии всегда получить успеешь...»

Гогочущие парни на задней площадке автобуса, смолкнув, недобро уставились на Интеллигента. Под тяжелыми инквизиторскими взглядами мужчина заелозил на сиденье и стал растерянно озираться, ища поддержки. Достоинство не позволяло безнаказанно ругань спустить, а пойти дальше, на обострение ситуации, он трусил.

Выход Интеллигент все же нашел, хитроумно переведя ее разрешение на Серкова.

— Вот, товарищ старший лейтенант, до чего

дожили. И на место поставить некому. За то ли воевали? — с пафосом закончил он.

«Ты-то, скорее всего, нигде не воевал, — желчно прикидывал в уме Серков. — На «афганца» или «чеченца» совсем не тянешь... Но как ловко, паскуда, выкрутился! Если же мне сейчас промолчать, это будет позор... позор форме...»

И офицер, ошибочно полагававший, что, пока к нему не обратятся за помощью, поведение его еще не будет явной трусостью, понял, что теперь выхода нет — обязательно нужно действовать, и решительно, не надеясь на одни разговоры.

А он боялся действовать решительно, действовать вообще, зная, что неминуемо налетит на встречный удар. Он ведь, встречный-то, настолько многообразен и коварен, что подстерегает нас всю жизнь и на каждом шагу. Можно просто бояться самодура-начальника или прослыть «неудобным» человеком, с которым каши не сварить, и уже одним этим нажить себе кучу врагов. Можно опасаться, что тебя, из элементарной вредности, «на всякий случай» доведут до инфаркта или что потеряешь теплое местечко. Можно много претерпеть даже из-за своего таланта, который бесталанным коллегам всегда не по нутру, и они всячески будут жрать и подставлять тебя. Много чего можно...

Впрочем, можно, как и в данном конкретном случае, бояться заполучить самый настоящий, без кавычек, встречный удар кулаком в зубы, а позже — как минимум строгий выговор в личное дело или даже неполное служебное соответствие: своего рода нокдаун.

Проиграв в уме ситуацию, Серков ответил Интеллигенту так:

— Ну, знаете... Если бы это касалось меня лично, я бы его быстро на место поставил.

Патлатый подросток прямо-таки взвился с сиденья, выплюнул сигарету, подскочил к офицеру, брызнул слюной и завизжал:

— Чего-о? Да я те, летюха, башку набок заверну! Плевком урою! Кровью харкать будешь! Всю жизнь на лекарства пахать!

Угрозы и ругань лавиной посыпались на Серкова. Подросток был взбешен. Да как кто-то посмел поставить под сомнение его, его силу, когда на задней площадке стоят пятеро здоровенных лбов, которые простым присутствием своим помогают испытывать такое сладостное

— особенно по малолетству — чувство власти над окружающими?!

Сидеть и дальше сложа руки для офицера теперь было опасно физически, и он резко встал. Подросток на полуслове прервал угрозы и отскочил в сторону кабины водителя, полагая, что старший лейтенант сейчас кинется в драку и окажется меж двух огней. Не угадал. Тот не спеша прошел на заднюю площадку, к враждебно выжидающим парням, и, обращаясь ко всем, а в глаза глядя самому высокому, с пышными бакенбардами, считая его верховодом, спросил:

— Мужики, вы не с Водокачки, а?

Водокачкой на местном жаргоне называли местный микрорайончик между основной, старой частью города и вокзалом — территорию с дурной славой. Там запросто можно было схлопотать по шее за здорово живешь, если никого из обитателей его не знаешь и попал туда случайно.

— А че? — в штыки отпарировал высокий.

— Вы Лося знаете? — уточнил Серков.

...С Лосем он когда-то сидел за одним школьным столом. Второгодник пришел в их класс в седьмом, дотянули его с грехом пополам до окончания девятого, а потом горе-ученик школу бросил, будучи абсолютно равнодушным к знаниям. Зато в шестнадцать лет он уже сформировался во взрослого мужчину с фигурой атлета, а боролись подростки с ним в шутку кучей на одного.

Вскоре Лось снискал себе могучий авторитет среди молодежи города своими победами в уличных драках, в которые чрезвычайно полюбил ввязываться, нередко провоцируя их самолично.

Когда Серков поступил на первый курс военного училища, Лось угодил под суд: опять же за драку. Года через полтора любитель помахать кулаками освободился по амнистии и стал работать шофером в местном автохозяйстве — на водительские права каким-то чудом сдать экзамены в колонии он таки умудрился. К тому времени здоровяк вместе с престарелыми родителями переехал в район Водокачки и быстро утвердился там в авторитете среди местной шпаны.

Пожалуй, Серков был единственным, с кем из соклассников Лось при встречах поддерживал приятельские отношения. Почему?

Все три года совместной учебы он списывал

у отличавшегося прилежанием соседа домашние задания и «выезжал» на контрольных. В какой-то степени именно будущему офицеру второгодник был обязан даже переходом из класса в класс. Видимо, чувство своеобразной признательности непроизвольно впечаталось у Лося в сознание, а уж коль он что-то запомнил, то накрепко.

И еще. Серков никогда не относился к нему как к отпетому хулигану, конченому человеку, даже и после его отсидки. Для курсанта тогда он был и оставался просто товарищем школьных лет.

Примечательно, что уже после ухода хвостиста из школы он и Серков несколько раз оказывались по разные стороны дерущихся компаний подростков. В таких случаях Лось, заметив бывшего одноклассника, предупреждал его коротким: «Уйди!» — и махался дальше с другими противниками. Самое интересное — все сражающиеся это воспринимали как должное...

Вот на старом знакомстве офицер и решил сегодня сыграть.

Стоящий рядом с высоким парнем его усатый дружок-крепьш вроде бы заинтересовался и спросил:

— А ты что, разве Лося знаешь?

— Кореша, — почти не моргнув глазом, ответил Серков и тут же перешел в наступление: — Слушай, скажи ему, чтоб перестал здесь курить, — и кивнул на подростка-агрессора.

Усатый оказался инициативен.

— А ну закрылся! И не чади пока! — повелительным тоном указал он патлатому, занявшему выжидательную позицию позади офицера.

Возмутитель спокойствия разом обмяк и покорно опустил на ближнее сиденье. Сгорбился на нем боком, исподлобья зыряка назад. И даже отброшенную по ходу «холодной», словесной войны сигарету самостоятельно притоптал.

«Да-а... — невесело подумалось Серкову. — Вот и получается, что, имея нужные связи, можно не только дефицитную дубленку по смешной цене отхватить или там дубинноголового отпрыска в престижный вуз протолкнуть. Со связями — особыми, конечно, — и в темном углу по морде уже не схлопочешь...»

Пока суть да дело, усатый пожелал продолжить неожиданное знакомство.

– Ты, похоже, местный? – полюбопытствовал он у старшего лейтенанта.

– Да уж... Как говорится, здесь родился, здесь учился... В школе, конечно, – нехотя уточнил тот.

– Служишь-то щас где? – подключился к диалогу еще кто-то из компании.

И пошли общие вопросы-ответы: с кем учился, с кем «ходил» в старших классах, кого, кроме Лося, помнишь, на какой улице живешь – жил, вернее. Но, беседуя с парнями, Серков неотрывно ощущал на себе взгляды остальных пассажиров, в которых, казалось, читалось: «Ах, ты, оказывается, такой же, как и они. Даже хуже: замаскировался, форму офицерскую надел. А мы-то думали...»

Любую форму, а тем паче офицерскую, очень легко опорочить. И если какой-то случайно затесавшийся в ряды армейские алкоголь валяется в ней около водочного магазина, то наблюдающие такую неприглядную картину люди невольно отождествляют с этим забуддыгой всех служивых: вот, мол, какие вы на самом-то деле... И несут по единичному случаю зародившееся мнение родственникам, соседям, коллегам по работе.

Форма – это ж своего рода ярлык. Однако если около того же магазина будет валяться пьяный мужчина, одетый в «гражданку», мы лишь с большей уверенностью сможем предположить, что это скорее простой работяга, нежели доктор каких-то наук...

Несмотря на то что Серков тогда чувствовал себя заложником ситуации, – понимал ведь: пассажиры автобуса мысленно уже приравняли к его военной форме и «содержанию» любых офицеров – от Калининграда до Сахалина, – просто так отойти от компании парней он теперь не мог.

Когда же старший лейтенант вышел вместе с ними из автобуса в центре города и волей-неволей должен был с попутчиками за руку попрощаться, тот самый, с красными пятнами на лице, коротышка, который смачно матерился в автобусе, задержал ладонь Серкова в своей и жаждающе предложил, как утвердил:

– Слышь, начальник... По сто пятьдесят и огурчик – за встречу. Кабак-то рядом... – и завершил свои слова виртуозным ругательством.

Дураку было понятно, что угощать всех должен именно Серков.

Усатый потянул было коротышку за рукав куртки, вроде: да ладно тебе, пошли, но тот рукав выдернул и возражающе бросил дружку:

– А че такого? Лося, значит, он кореш, а с нами почему выпить не хочет?

Усатый подумал-подумал и промолчал.

«А вот очкарика бы этого сейчас сюда, – внутренне вскипев, подумал Серков про уехавшего дальше Интеллигента. – Ишь как подленько хмыкал, когда я из автобуса выходил! Посмотрел бы, как ты здесь, на моем месте, стал бы выворачиваться... Заполучи-ка, Серый, новый «встречный»: пить-то я с ними не буду, это уж точно красномордый-пятнистый отметил, а попробуй об этом сказать, если они меня уже почти своим считают...»

Тут подросток с подбритыми висками, «закрывшийся», как приказал ему в автобусе верховод компании, впервые оживился, почувствовав, что опять становится «горячо». Придвинулся к офицеру и стал сзади и чуть правее него: удобнее будет с маху врезать чужаку по скуле, если дело все же дойдет до разборки.

Но Серков драться и теперь отнюдь не собирался. Он вытащил из кармана кителя сиреневую пятисотрублевку и продемонстрировал автобусным попутчикам.

– Мужики, – сказал старший лейтенант, – я своих стариков два года не видел. Может, вы дернете сами за мое и их здоровье, а я пойду? – и осторожно протянул купюру красномордому-пятнистому.

– Обижаешь, начальник, я не нищий.

С этими словами усатый так двинул в бок своего приятеля, сунувшегося было к дармовым деньгам, что тот зашипел от боли и руку зло отдернул. Серков же молчал, продолжая держать перед собой крупную купюру и не зная, что делать дальше.

Усатый явно хотел еще что-то добавить, но передумал и распорядился:

– А ну, погнали отсюда.

И компания отошла от офицера, к вящему неудовольствию патлатого подростка.

«В общем, все получилось гадко, – мысленно подвел итог инциденту Серков. – Ну да и хрен с ним. Кое-как выкрутился...»

Ему мучительно захотелось выбросить ту злополучную откупную пятахатку, но — только на один момент. Потом он столь же быстро уверил себя: деньги здесь вовсе ни при чем.

Дождь кончился, еще когда Серков ехал в автобусе. Не разбирая дороги, не обращая внимания на выпачканные в грязи сапоги — совсем недавно такие начищенные, блестящие, — старший лейтенант шел по улице, которая помнила его первые шаги. Желанный родительский дом почему-то уже перестал сильно манить, да и вообще офицер недоумевал: с чего бы это он так стремился сюда, в маленький, столь неласково встретивший его, когда-то родной город...

Болтыш и Жабба

Конфликт этот стартовал в позднебрежневские времена.

У завуча-историка, двадцати лет потерявшего на фронте ногу выше колена и начинающим педагогом заполучившего незавидное прозвище Раскладной — при ходьбе негнушующая деревяшка приходилось выносить по дуге вбок, — было двое детей. По сути, из разных поколений. Дочь пятидесятого года рождения и сын — шестьдесят восьмого: дважды отцу тогда уже стукнуло сорок четыре.

Последыша назвали Толей. Рос он вездесуще-суетливым, по любому поводу спешил высказаться. В каждой бочке затычка. Это именно про него.

Впрочем, учился паренек почти на одни пятерки.

Еще с младших классов его, легко забывающего о своих обещаниях, окрестили Болтуном. Позднее погонялово это фатально переродилось в сходно-тухловастенькое — Болтыш: так называют неплодотворенное, без зародыша, яйцо. Негожее ни под наседку, ни в пищу. Толик не единожды дрался, не желая мириться с позорной кликухой. Раз даже к отцу воззвал: как бы от нее избавиться?

— А никак, — ответил тот. — Не удастся. По крайней мере, в этой школе.

— Между прочим, в нашей выучке тебя втихую тоже дразнят. Знаешь кем? — раздраженно вырвалось тогда тайное у сильно раздосадованного мальчишки.

— Конечно, — разительно удивил его в ту минуту отец.

— И не обидно?

— Ну еще бы... Ведь не сам же я себя по дурости ноги лишил. Или вот наш физрук Староконев — глаза. Ты про его-то прозвище в курсе?

— Ага. Косой. Говорят, вроде по пьяни прицелом на сук напоролся.

— Эх ты, охальник! Слышал звон... Василий Николаевич — фронтовой летчик. После тяжелейшего воздушного боя — один против трех «мессеров» — чудом, с осколком в глазу, до своих дотянул, истребитель спас. Он этот осколок и им располосованный шлемофон как память о боевой юности хранит. Мы Родину от нелюдей защищали, а вы, по глупости малолетней да необъяснимой жестокости, за наши раны и кровь нас же — и носом в дерьмо. Не судите, да не судимы будете. Фраза хоть и библейская, а бесспорна. Впрочем... И с телесными изъятиями надо стараться жить полноценно. Ну а ты, сын, прозвище свое поделом заслужил. За язык без костей, за обязательность, за «и так сойдет».

— Но я ж не знал... — рефлекторно тронул мальчишка овальную плоскую родинку лентиго на левой щеке. — Про физрука, значит... А он сам не рассказывал... — окончательно съехал паренек с темы собственного погонялова.

— Зачем? Я ведь тоже всякому не объясняю, что в танке горел. Гадости же и про меня измышляют. Мол, во хмелю под поезд угодил и прочее в том же духе.

Толик смущенно отошел от отца...

Классным руководителем у мальчишки после «началки» стала русистка Алевтина Филипповна Полякова. Дородная с юности, она поначалу пыталась — впрочем, халтурно — бороться со склонностью к ожирению. Перепробовала кучу диет, с лентой кое-когда занималась гимнастикой... Однако после тридцати расплылась безнадежно. Вес женщины резво перевалил за сто кило, а на пухлом лице, обрамленном короткими светлыми

кудряшками, обозначились обвисшие лоснящиеся щеки и вырос тройной подбородок, студнем сотрясавшийся при волнении. И никакие усилия — сдавливание теннисного мячика подбородком, его медовый массаж, втирания всяких кремов, а даже отчаянное лупцевание шейных складок скрученным в жгут мокрым полотенцем — к их исчезновению не привели.

Как и многие учителя той, да и иных российских школ, Полякова со временем заполучила прозвище. Не по характеру или сфере деятельности, а (так случается много чаще) по схожей наружности, и весьма нелестное: Жаба.

Было время, когда она серьезно нацеливалась на место Раскладного. Внушая на всех уровнях, что инвалид первой группы просто не в состоянии полноценно исполнять обязанности зава учебной частью. Мол, здесь явно требуется кто-то и помоложе, и поздоровее. И что — ах, если бы только ей поверили и доверили...

Алевтина Филипповна даже пыталась надавить на директора школы и заврайона через мужа — работника райкома. Не прокатило: директор, сам участник войны, прошедший ее в полковой разведке, натвердо придерживался иной точки зрения: в его школе завучем должен быть только мужчина!

Отношения у Поляковой с Толиком упрочились перманентно конфликтные. Начиная с того, что русистка яро не терпела забывчивости и трепя. Но главное: комплексую по поводу неудавшейся педагогической карьеры и упорно продолжая считать, будто виновен в том именно не возжелавший «подвинуться» Раскладной, женщина свой субъективизм к отцу проецировала на сына. (Подобного рода поведение больше свойственно как раз детям, склонным переносить неприязнь к конкретному учителю на его предмет.) И стоило Толику в чем-то, пусть по мелочи, проштрафиться, классуха тотчас спешила наябедничать о поправии школьных устоев начальнику-родителю, упиваясь недолгой специфичной властью над ним.

Вкушать это сладостное чувство винительнице ничуть не надоедало.

— Как же так? Вы — зав учебной частью, опытный педагог, и нас, рядовых учителей, во всех вопросах воспитания должны направлять и по-

правлять... Сына же столь явно упускаете, — с наслаждением выговаривала Алевтина Филипповна Раскладному, вновь вторгшись на перемене к нему в кабинет. — Он же мне урок сегодня едва-едва не сорвал! Да! — и многоэтажный «бурдюк» русистики гневно заколыхался. — Убедительно требую уделять его воспитанию должный надзор!

— Нельзя ли поконкретнее? — прервал тогда историк поток возмущений.

— Можно и нужно. Значит, сегодня мы изучали фразеологизмы. В качестве одного из примеров я использовала идиому «кот заплакал». Пояснила, что, хотя слезные каналы у кошек и есть, самих слез от них не дождешься. Отсюда и пошло упомянутое выражение, обозначающее ситуацию, когда кого-то или чего-то гораздо меньше необходимого или ожидаемого.

— Прошу прощения, — прервал мини-лекцию Раскладной. — А вот я где-то читал, что здесь имело место транслитерирование. То есть арабский оборот «коты наилак» — изначально лишь: «перестать получать достаточно денег», а по-нашему: «чтоб ты жил на одну зарплату», передали буквами русского алфавита. Ну и потом еще подкорректировали. Только со временем смысл устоявшейся фразы почему-то резко расширился до значения мизерного количества уже всеохватно.

— В данном случае вариации генезиса не столь важны! — не позволила втянуть себя Полякова в этимологический спор. — Значит, я предложила подобрать синонимы к расхожему словосочетанию. Высказывались, надо сказать, активно. И «с гулькин нос», и «очень мало», и «всего ничего»... «Недостаточно», «на доньшке»...

— Ну, это-то я понял, — снова вклинился Раскладной. — Конкретно к Анатолию у вас какие претензии?

— Большие! — пришел в движение могучий подбородок. — Он на галерке сидит. Думал, не услышу. А я услышала! Знаете, что он ляпнул?

— Пока нет.

— Кот заплакал — кот накакал! Еще и с таким глубокомысленным видом! А весь класс триумфально ржал, громче табуна диких лошадей! Откуда в лексике шестиклассника, позвольте спросить, почти нецензурщина?

— Отнюдь. Вполне приличный глагол для обоз-

начения естественных надобностей. По поводу же процитированной вами фразы — кажется, догадываюсь о ее корнях. У моей сестры сиамская кошка имеется. В кои-то веки нашли ей аналогичной породы жениха, случили. Ну а одного мальчика из приплода придарили нам. Вот, с переменным успехом, учим теперь котика в противень с песком ходить, но вчера он посреди кухни нагадил. Ассоциация ясна?

— Да уж конечно! Только это вашего сына не оправдывает! И сегодняшний случай — вовсе не первый, когда он во время уроков несусветицы и завиральные идеи выкрикивает. Так дальше продолжаться не может! Еще скажите спасибо, что я пока до директора не дошла! А по большому счету давно следовало бы! Да!

Фронтовик, возраст которого на тот момент приближался к шестидесяти, классной руководительнице сына отнюдь не симпатизировал.

— Я-то, конечно, с ним поговорю, — пообещал он. — Но, на мой взгляд, вы опять палку перегибаете. Ничего такого уж, как вы утверждаете, чуть ли не криминального, Анатолий не совершил. Ну, брякнул с места глупость, так и не оправдываю... Однако и вы не забывайте: ему всего-то двенадцать!

— Фундамент воспитания закладывается в детстве! Сами о том твердите! — витийствовала Полякова. — Только к собственному сыну этот тезис почему-то не желаете применять! А он, чувствуя вашу поддержку, на голове готов ходить!

— Ну, это уж вы явно через край хватанули! Анатолий ничем не хуже сверстников! — возразил Раскладной.

— А должен быть примером для всего класса! — гнула свою линию Алевтина Филипповна. — При таком-то заслуженном отце!

— В ваших последних высказываниях усматривается недобрая ирония. Ага, звонок. Что ж, напоследок — в коллекцию синонимов к наплакавшему коту. Две консервные банки плюс дыра от баранки. Извините, у меня урок...

«Банки-баранки... Яблоко от яблони... Нет, только к директору!» — распяляла себя не удовлетворенная разговором русистка, грузно топая по коридору.

Особо же следует рассказать, как в начале седьмого класса сын Раскладного угодил в серьезный переплет и разряд неблагополучных учащихся.

В один из сентябрьских выходных он собрался на новый фильм. Но в тот день даже до кассы кинотеатра не дошел. На подходе к нему попался на глаза хулиганистому дылда-девятикласснику из соседней школы, не подозревавшему, что перед ним — сын завуча, а то бы наверняка поостерегся связываться.

— Мелочишку на кинчишку... Ну-кась! Быстро карманы вывернул! — не особо страшась прохожих, в лоб потребовал дылда.

— У меня ровно себе на билет, — явно не спешил тот расстаться с деньгами.

— В упор не колышет! — отрубил озлившийся девятиклассник. — Слышь, ты, чмошник тупорылый!.. Могу ведь для понятливости и по мордасам вкатить!

— Попробуй — пожалеешь... — решительно сжал кулаки Толик.

Но дылда «по мордасам» бить не стал. Он подло ударил несговорчивого паренька ботинком в пах. От дикой боли мальчишка ментально сложился вдвое, прижав ладони к ушибленному месту и тщетно пытаясь вздохнуть. Грабитель меж тем предприимчиво обшарил карманы жертвы, выудил несколько монет, разгреб их по ладони, деловито пересчитал.

— Вот выручил, — издевательски хлопнул он Толика по согнутой спине. — Теперь дуй домой и зубри, зубри, зубри. Ученье — свет, неученье — сумерки! Хо-хо!

И, донельзя довольный, поспешил к кинотеатру...

Жаловаться обиженный не пошел. Выслушал участливые слова двух параллельноклассников, наблюдавших бесчестный удар... А затем удачно отыскал на ближайшей мусорке кусок ржавой трубы-дюймовки с полметра длиной. Там же, в закутке, потренировался в обращении со своим «холодным оружием». Потом обернул его старой газетой и уселся в засаде на лавочке.

Обидчика он нагнал за несколько кварталов от кинотеатра, когда ничего не подозревающий дылда высматривал очередной объект для быстрого обогащения.

Трубой Толик с размаху врезал сзади. По затылку врага. Что есть силы.

Более чем удачно: девятиклассник неловко завалился на бок, потом на спину. Пользуясь этим, ограбленный с прыжка безжалостно приземлился ему на гениталии.

— Понял теперь, как мне больно было? — уточнил он у скорчившегося в позе эмбриона жалосто взголосившего врага.

Улепетнуть вершитель справедливости не успел. Трое мужчин, один из которых оказался пенсионером МВД, привлеченные тоскливым воем поверженного, задержали драчунов, препроводив обоих в милицию.

Давно состоявший там на учете девятиклассник поначалу факт избиения и ограбления младшего отрицал. Однако свидетелей начальной фазы конфликта оперативно разыскали, и они стопроцентно подтвердили показания Толика.

В финале разбирательства принимала участие и Полякова. На следующий же день она наступательно высказывала свое «фу» отцу-завучу.

— С таких лет — и такая жестокость! — возмущалась Алевтина Филипповна. — Откуда? Напасть сзади, колотить люто, нещадно, металлом и по голове! Он же человека убить мог! Да!

— Ну а о том, что сей человек, который моего сына и старше и сильнее, его раньше не менее жестоко избил, деньги отнял и кино лишил, вы почему-то забываете? Анатолий, в силу своих возможностей, нашел способ самостоятельно поквитаться с заведомо превосходящим его физически хулиганом! Заодно начинающему гопнику и мозги промыл... Уверяю: на будущее он трижды три раза подумает, прежде чем вновь решиться младших грабить!

— Однако каким именно образом ваш сын действовал? По сути, учинил форменный самосуд с явной опасностью для чужой жизни? Это не по-советски! Коль уж так случилось — расскажи о том учителям, родителям. Они и будут принимать соответствующие меры. Кто ему мешал, если он знал, что хулиган на сеансе, быстренько домой возвратиться и об инциденте доложить?

— Скорее, заложить... Только кому? Мы с женой с утра к родственникам уезжали. В школе в воскресенье — разве сторож. Вашим же адресом

сын не располагал. И даже если бы его выяснил, крайне сомнительно, будто из-за сорока-пятидесяти копеек вы бы немедленно помчались в милицию. Да и вообще: достойно он поступил! Как настоящий мужчина, не опускаясь до фискальства! Хотя признаю: палку перегнул. За что уже и поплатился. По полной программе.

— Как отпетый хулиган он поступил! Вы в корне неверно воспитываете сына! — школила завуча русистка. — Порочно! Несвойственно нашему строю! Да!

— Мне, как отцу и как педагогу, виднее!

— Я сильно в этом сомневаюсь!

— Ну а я — нисколечко! И по праву родителя сына защищать буду всегда!

— Были бы вы правы — не оказался б он на учете в милиции! — победоносно подытожила Алевтина Филипповна. — Жутчайший стыд и позор для нашей школы!

От дальнейшей полемики Раскладной тогда воздержался. Только губы сердито сжал и глубоко, страдальчески вздохнул.

Перенесемся теперь на несколько месяцев вперед.

Накануне Дня Победы Полякова запланировала читательскую конференцию: «Великая Отечественная война в произведениях советских писателей». Толику же поручила, плюс к чтению наизусть отрывка из «Сына полка», еще и рассказать о боевом прошлом Раскладного. Ведь он оказался единственным в классе родителем-фронтовиком, остальные-то папы были гораздо моложе его. И надо же так случиться, что подросток собирался поподробнее расспросить отца о пережитых баталиях именно накануне культурного мероприятия — чтобы назавтра в своем выступлении «по свежим впечатлениям» ничего не упустить, — и напрочь забыл подойти в тот вечер к родителю. Еще и книжный текст выучил через пень-колоду. Сама же классная руководительница захопоталась, не проконтролировав малонадежного ученика. Впрочем, все это, как говорится, было бы еще полбеды, однако в класс — ну совсем уж некстати! — нагрянул заврайоно.

«Картина маслом», — как говаривал Давид Гоцман, главный герой телесериала «Ликвидация»...

— По обыкновению в своем репертуаре! — желчно распекала классуха Толика (пока один на один) после занятий. — Ни капли стыда! Да! Хотя кол на голове тещи: никаких сдвигов к лучшему! Наобещает с три короба, а потом «с чистой совестью»: «Извините, заспал, упустил из виду, память отшибло!» Полнейшая безответственность! Интересно бы узнать: как ты дальше-то жить собираешься?

— Не хуже других, — насупленно огрызнулся семиклассник.

— Вот-вот! Не хуже! Свежо предание, да верится с трудом! — И огромный подбородок боевито заколыхался. — Э-эх, чудо беспоминное! Не выйдет из тебя ничего путного! Недаром Болтышом-то окрестили! Тоже никчемный и негодный ни на что растешь! Да!

— Ах, значит, я — Болтыш? — мгновенно ошестинился Толик.

— Во всяком случае, не я же тебе это зазорное прозвище прилепила, — саркастически усмехнулась Полякова. — Запомни: по заслугам и честь...

— Ага... Ладно... — И Толик раздумчиво коснулся крупной родинки на щеке: привычка-паразит. — Пусть я — Болтыш... — Подросток уперся в классную руководительницу упрямым жалищим взглядом. — Зато ты тогда — Жаба!

И после мини-паузы дерзко усугубил-утвердил, растягивая начальный согласный звук:

— Ж-ж-жаба! Ж-ж-жаба!! Ж-ж-жаба!!!

На какое-то время Алевтина Филипповна впала в ступор: застыла, надрывисто лоя воздух ртом, с выпяленными глазами, исступленно сжимая пальцами классный журнал... Наконец, трудно сглотнув, рывкнула:

— Ты-ы!..

И со второй попытки неловко вскочила со скорбно скрипнувшего стула.

— Негодяй! Хам! Паршивец! Пошли! Бегом! К отцу!

Русистка воинственно стиснула тонкое запястье Толика своей крупной тестяной ладонью.

— Пусти! — упираясь всем худеньким телом, изогнулся мальчишка. — Не имеешь права! Хватать!

— Я т-те сейчас покажу права! — грубо поволокла его Полякова к двери в коридор. — Ты у меня в момент из школы вылетешь! Да! А-ай! — вне-

запно взвела она: Толик впился зубами ей в руку пониже локтя, едва не прокусив до крови...

— Суть конфликта мне ясна, — выслушав обе враждебные стороны и внешне сохраняя спокойствие, заявил Раскладной, сидя за своим рабочим столом, перед которым угнездилась на стуле отчаянно трясушая подбородком Полякова и, набычившись, стоял Толик. — Сын, ну-ка пойдди погуляй пока в коридоре...

А когда мальчишка вышел, мрачно-раздраженно поинтересовался:

— Ну, Алевтина Филипповна, и как теперь из крайней ситуации выходить?

— И вы еще спрашиваете? — донельзя возмутилась русистка. — Для начала пусть зарвавшийся мальчишка извинится! В присутствии всего класса! А дальше требую вынести этот вопиющий инцидент на заседание педсовета! Уж там-то живо дадут принципиальную оценку, в каком именно моральном духе зав учебной частью воспитывает собственного сына! Да!

— Нет! Совсем не кругло выходит! — сгустил мечевидные брови Раскладной. — Как там у дедушки Крылова? «Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» Изначально-то ведь это вы Анатолия обозвали. И еще потом, разно-многократно. Плюс непонятно по какому праву посмели вслух перечеркнуть все его будущее. Ну и с чего вдруг такая уверенность, что мой сын в жизни ничего не достигнет? Где незабываемые на то основания? Лишь само время единственно и сможет рассудить, насколько вы прозорливы. Разумеется, личное мнение на сей счет вам никто не запрещает иметь. Но вместе с тем держите-ка его глубоко при себе! И — повторяю и акцентирую: зачинщиком конфликта явились именно вы!

Полякова при этих словах дернулась на стуле и слегка подалась вперед, явно собираясь возразить. Но Раскладной протестующе поднял руку.

— Минуту! Само собой, я сына ни в коей мере не обеляю, однако его выпад хотя бы объясним. Он ведь как мог защищался. И уж простите за эту параллель, примерно тем же макарком, как от хулигана, избившего его и обобравшего. Затевающий бой без правил всегда рискует огрести обратку на столь же беспринципный манер.

— По-озвольте! — в бешенстве взвопила Алев-

тина Филипповна. — За эдакое оскорбляющее сравнение... Я на вас! В суд! Иск!

— Без возражений, — хмыкнул, согласно разведя руками, Раскладной. — Только приплюсуем к словесным оскорблениям, что вы при любых обстоятельствах также не были правомочны школьника, как преступника, за руку уцеплять и тащить волоком. Это, пардон, никому не понравится, потому вас и укусили. А что Анатолию еще оставалось? Весовые категории разные, а чувство собственного достоинства, как и у любого другого, имеется. Вы же это чувство — через коридор, на виду у всех, волоком и в пыль растереть возжелали. Осознаете?

Завуч повертел в руках толстый красно-синий карандаш, хмуро сунул его в гипсовый стаканчик с барельефным рисунком из ракушек.

— По справедливости если, так вы первая перед моим сыном извиняться должны, а уж он — следом. Только я уверен, что на это у вас мужества неостанет, хотя варварски нарушить каноны педагогической этики — пожалуйста. Так что вот вам мое предложение: забыть этот... м-м-м... схлест — другого слова и не подберу. Тем паче что кроме нас троих о нем пока никто не знает и — со своей стороны могу вам твердо обещать — не узнает. Ну а с Анатолием у меня дома состоится более чем серьезный разговор. И в чем он не прав, я ему сам подробно растолкую.

— Ни за что! — воинственно провозгласила Полякова. — Исключительно через педсовет! А за травму... — русистка еще раз продемонстрировала уже побледневшие следы укуса, — он у меня отдельно ответит! Если надо, и до районо дойду! На сей раз сына, как обычно, не выгородите! Да!

— Архиглупо, — отреагировал завуч. — В таком случае вынужден буду поставить вопрос перед тем же районо, допустимо ли после содеянного вам заниматься педагогической деятельностью вообще.

— Вы... Вы его во всем покрываете! — задрожали шейные складки. — Используя служебное положение! А он уверен в безнаказанности за широкой отцовской спиной, вот и вытворяет... такое!!! Я, к примеру, специально детей в другую школу отдала! Уж меня никто не упрекнет, что особые условия им создаю!

— Это сугубо ваше личное дело, — прокоммен-

тировал Раскладной. — А мне, знаете ли, удобнее, когда наследник под боком. На протезе-то далеко не разбежишься... Дочь, кстати, тоже у нас обучалась — и ничего, уже в люди вышла: институт окончила, работой довольна, прекрасная семья, сына-второклассника растит. Не отличник, но хорошист...

— Вы с большой-то головы на здоровую не переваливайте! — воинственно перебила Алевтина Филипповна. — Сейчас речь не о внуке, а о сыне вашем идет. До сегодняшнего дня меня еще никто и никогда в глаза Жабой не обругивал! Как у него только язык-то повернуться посмел?!

— А за глаза — в курсе? — жестко спросил завуч. — Или, может, будете уверять, что впервые в жизни от Анатолия о своем прозвище узнали? Что вы сами-то ему заявили? «По заслугам и честь», так? Так и кушайте то же с маслом, никуда теперь не денетесь. И он от своего погонялова... по крайней мере, пока аттестат не получит. И я с наклеенным ярлыком помру, хотя, мыслю, ну никак его не заслужил. Про три четверти других наших учителей, в ту же линию «маркированных», сейчас промолчим. Поймите: с этим просто надо научиться жить, не принимая близко к сердцу. Однако остаюсь при своем мнении, что для школьника услышать его прозвище из уст педагога, а еще и классного руководителя, обиднее вдвойне и даже втройне, нежели наоборот. И руки нечего распускать! А теперь — скатертью дорога. Хоть в райком, хоть в обком, хоть на прием к министру образования!

«Тайну троих» сохранить-таки не удалось. Нетривиальный схлест выкатился за школьные стены, и судачили о нем многие. Однако подробности разбирательств на директорском уровне и в районо широкой публике остались неизвестны. Достоверно лишь одно: вскорости Толика перевели в параллельный класс, в котором, отметим особо, Полякова не преподавала. И до самого выпускного бала подросток при встречах с бывшей классушкой нарочито с ней не здоровался.

Время... Непреклонное бескомпромиссное время...

В тысяча девятьсот девяностом году Анатолий окончил Ярославское высшее военное

финансовое училище, выслужив лейтенантские погоны, и был назначен на должность начальника финслужбы отдельного десантно-штурмового батальона.

Как раз тогда в России стартовала эпоха «горячих точек», и молодой офицер прошел их не одну и не две, повидав на своем веку немало такого, о чем еще долго не напишут открыто. В армии он получил и новое прозвище: Железный Финик.

После смерти его родителей — мать быстротечно съел рак, а немного погодя, тяжело переживавший кончину супруги, вслед за нею в мир иной ушел и завуч-фронтовик — бывший Болтыш на малую родину не приезжал много лет...

Но вот однажды, по весне за несбывшимся концом света, вдова и пенсионерка со стажем Алевтина Филипповна Полякова, страдавшая от целого букета болезней и потому ведущая малоподвижный образ жизни, сподобилась выйти на прогулку, заодно желая и прикупить кое-какую продуктовую мелочевку.

Доковыляв до главного райцентровского гастронома, женщина, вес которой вплотную приблизился к полутора центнерам, приостановилась, опираясь на клюку и астматично, с хрипотцой дыша. В эту минуту из дверей магазина вышел и спустился по облицованным клинкерной плиткой ступеням здания моложавый, но с густо серебриющимися висками подполковник-десантник в фуражке-аэродроме с высокой тульей. Остановившись неподалеку от Поляковой, он поставил на асфальт серый дипломат, достал зажигалку и пачку «Парламента»...

Алевтина Филипповна скользнула взглядом по мужской фигуре в ладно пригнанной военной форме — и вдруг углядела коричневатую-красную родинку лентиго на лице прикуривавшего. В аккурат на левой щеке. Присмотрелась повнимательнее... И сквозь толщу десятилетий внезапно проступил знакомый детский облик.

«Неужели он? Ведь определенно похож на отца!»

— Толя? — осторожно-полуутвердительно спросила бывшая учительница.

Подполковник в свой черед затычным прощупывающим взором нацелился на безобразно оплывшую сгорбленную старуху с рыхлым

лицом, на котором сильно выделялись глазные впадины, а радужка самих глаз почти выщела; с густо-морщинистой шеей, кажущейся утопленной в грудную клетку; с отчетными деформированными суставами пальцев рук и слоновьими ногами. Глубоко, жадно затанулся. Рефлекторно дотронулся до приметной родинки. Наконец кратко, отчужденно обронил:

— Да...

Подхватил дипломат. И стремительно зашагал прочь.

Как одна баба обумя мужиками три дня командовала

— Ну, Елена Премудрая и Прекрасная... С повышением, значит. Всех благ и прочая, прочая, прочая... — с игривым поклоном поздравил майора внутренней службы Елену Филипповну Полякову по погонам майор Роман Стеклов.

— Расти тебе и дальше в чинах, званиях и орденах! — присоединился к сослуживцу капитан Георгий Щербаков. — Обмывать-то когда?

Трио офицеров составляло группу культуры (ГК) отдела воспитательной работы (ОВР) Управления кадров областной милиции. На «воспитателей» возлагалось множество задач. Анализ дисциплины и отслеживание морально-психологического климата «на земле» — в райотделах области. Социальная защита стражей порядка и семей погибших на службе. Работа с ветеранами и организация всяческих конкурсов. Проведение праздников и похорон, учет звонков, полученных по телефону доверия, организация занятий по общественно-государственной подготовке... Сам ОВР за глаза именовали отделом по борьбе с личным составом, а группу культуры — культуристами.

По новому штатному расписанию в подразделении вводилась должность старшего инспектора по ОП — особым поручениям. Руководство утвердило на нее Елену Владиславовну, узаконив, что теперь она будет отвечать и за работу культуристов в целом, — ранее каждый инспектор ГК автономно замыкался либо на начальника отдела, либо на его зама.

Возраст женщины давно перевалил за пенсионные для системы МВД сорок пять лет. Выслуги тоже хватало: в молодости Пилипчук немало «отбарабанила» на Севере, где стаж, с учетом особых условий прохождения службы, исчислялся вдвойне. Однако майор упорно писала рапорта о продлении срока службы на год... и еще на год... и еще... Начальство пока с пониманием шло навстречу, учитывая особые заслуги Елены Владиславовны. Более того, повысило ценного работника в должности.

— Спасибо, — холодно, без улыбки, поблагодарила Пилипчук соседней по «камере»: на единственном окне в кабинете-пенале была установлена частая решетка. Намек на обытие не нашел отклика. — Давайте-ка, товарищи офицеры, присядем.

Даже начинающий милиционер, указывая на стул, не употребит глагола «садитесь», ибо рискует нарваться на грубо-трафаретное: «Сесть я всегда успею!»

«Товарищи офицеры» откровенно удивились столь официальному, не принятому меж ними в родном кабинете обращению, однако опустили на полумягкие стулья, гадая, что им скажут дальше. Новоиспеченный старший инспектор по ОП приземлилась в кожаное кресло на колесиках, героическими усилиями вырванное из складских недр службы тыла.

— Ну так, — сразу взяла быка за рога Пилипчук. — Поскольку я теперь ваш прямой и непосредственный начальник, подчиняться обязаны беспрекословно. Обращаться друг к другу будем только на «вы» и по имени-отчеству. Это — раз... Все вопросы потом! — решительным мановением руки отмела Елена Владиславовна подавшегося было к ней Стеклова, уже даже открывшего рот — видимо, для возражения. — Второе: куда бы вы теперь ни уходили из кабинета, даже на минуту, предварительно докладывать мне. Третье: все наши проблемы решать здесь, и чтоб жаловаться

на меня ни к кому не бегали... — На лицах мужчин всё явственнее проступало недоумение. — Четвертое: не смей меня обсуждать за спиной — не потерплю! Хуже баб базарных: вечно кому-нибудь косточки перемываете!

— Хм... А самолично насчет этого как? — изумился Стеков.

— Что? — резко парировала Пилипчук. — Моя критика всегда объективна... Пятое. Вот наш план подготовки к двухсотлетию МВД, я его откорректировала. Извольте срочно ознакомиться, тут на вас обоих большая работа возложена. Еще. Теперь в мое отсутствие отслушивать мой телефон и всю информацию — на стол в записи. И не дай бог кофе в рабочее время на столе увижу! И дымить, Георгий Викторович, лучше бы бросить: и работе польза, и здоровью. Вам денежное довольствие не за то начисляют, чтобы в курилке часами торчать!

— Уж и часами... — запротестовал Щербаков.

— Именно! Ну, по полчаса, — поправились женщины, — все одно: через край!

— Сама через край хватила! — обтекаемо пропустив подразумеваемое личное местоимение, возмутился попрекаемый.

Стеков же поинтересовался:

— А что, собственно, изменится от перехода с «ты» на «вы»? Два года уж в одном кабинете, и вроде существовали пока вполне мирно...

— Значит, изменится, Роман Юрьевич. Если же у обоих ума не хватает понять, что именно, то и объяснять бесполезно, — уклонилась от конкретного ответа Елена Владиславовна. — Еще?

— По поводу корректировки плана, — вновь включился в беседу Щербаков. — Он же изначально почти весь за тоб... за вами расписан был, а теперь? Сплошняком наши фамилии стоят... Чем же, позвольте узнать, вы-то теперь заниматься будете?

— Я перед вами отчитываться не обязана! — опять было ушла в сторону Пилипчук, но потом смилостивилась: — Ладно, первый и последний раз объясняю... Для непонятливых. Я теперь осуществляю общее руководство. Ясно?

— Не ясно! — возразил Стеков. — Свою работу на наши плечи переложить желаете? Маскируясь под корректировку? Дудки! Не пройдет! И по поводу запрета на жалобы. Да если я, к примеру, посчитаю, что начальник

Управления кадров меня в чем-то ущемил, имею полное право записаться на прием к начальнику УВД и там высказать все претензии. А уж первое лицо в плюрализме разберется. Вы же себя изначально пытаетесь вне критики поставить! Пардон, вы не Господь!

Елена Владиславовна нервно сжала кулачки. Пока молча. Лишь злонравная улыбка пробежала по «накосметиченному» лицу.

— Абсолютно точно, — поддержал сослуживца Щербаков. — Касаемо же кулуарных высказываний... Да от них не застрахован никто — так уж человек устроен. Понятно, на все своя мера...

— И по поводу докладов, кто, куда и зачем пошел... — опять подал голос Стеклов. — Это что же теперь... Если мне по малой нужде... и действительно на минуту... тоже рапортовать?

— Без исключений, — металлически подтвердила женщина.

— Хм... Лично я нахожу это... неудобным, даже стыдным.

— Неудобно штаны через голову надевать, — отцепила Пилипчук, и уже не просто металл, а легированная сталь зазвенела в ее голосе. — И вообще, приказы не обсасываются!

— Елена! — возопил Щербаков, игнорируя указание «во-первых». — Что на тебя, в самом-то деле, нашло? Так палку гнуть — враз сломается!

— Рановато начальственный зуд демонстрируешь, — добавил Стеклов.

— Ах, так! — уши у Елены Владиславовны мгновенно порозовели. — Значит, не хотите по-хорошему? Тогда будет по-плохому! Я вас все равно нагну! Вы у меня еще попляшете! Я вам обоим... такого... такого!

— Ой! — вдруг вскрикнул Стеклов. — Ой-ей-ей!

— Что? — прервала угрозы озадаченная старший инспектор по ОП.

— Покорнейше прошу разрешения отлучиться. По-маленькому... А то и до греха недалеко... Пожалуйста... Ну очень прошу, — заканючил майор, будто ребенок.

— А мне по-большому, — присоединился капитан, и в глазах мужчин заплясали веселые огоньки. — Живот вдруг так прихватило...

— Издеваться? — в гневе вскочила Пилипчук с кресла.

— Никак нет! — тут же возразил Стеклов. — Что за тон? Я покорнейше рапортую, как и было ве-

лено, о своем желании отправления естественных надобностей, а вы это оскорбительнейше возводите в ранг издевательств!

— Полнейшее беззаконие! — прибавил Щербаков. — А пожаловаться — ни-ни!

Тошенькая грудь Елены Владиславовны всколыхнулась. Крупный рот исказился в гримасе.

— Идите! — наконец рявкнула уже побагровевшая начальница.

Когда дверь кабинета закрылась за подчиненными, женщина схватила попавшийся под руку карандаш и с усилием переломила его, а останки ни в чем не повинной канцелярской принадлежности шваркнула в мусорную корзину.

— Ну, сволочи! Ну, скоты! — шептали карминные губы. — Всё одно — нагну! — и густо зачерненные брови приподнялись в злобном изгибе.

— Вот ни черта себе с Ленкой приключилось! — жадно затягиваясь, изумлялся в курительной комнате туалета Щербаков. — Ну кто бы мог подумать!

Равнодушный к табачным изделиям Стеклов непонимающе пожал плечами.

— Признаться, я тоже не ожидал. «Сю-сю-сю, помогите, ребята, спасибо, родные, что бы я без вас делала...» И вдруг — на тебе по всей морде! Хотя... У Ремарка в «На западном фронте без перемен» солдаты Первой мировой тоже диву давались, как это простой почтальон, случаем возвысившийся до унтер-офицера, вдруг перевоплотился в исчадие ада. А самый старший из пехотинцев утверждал: если ты кому дашь кусочек власти, то он за нее сразу ухватится. Потому что любой человек перво-наперво скотина, а в армии или в милиции слишком много власти у одного над другим, что иному вмиг голову вскруживает. И чем мельче должность человек занимал, тем сильнее себя пупом земли мнит.

— Ну да, ну да, — согласно закивал Щербаков. — Древняя поговорка: хочешь узнать человека — дай ему власть. Только понимает ли Ленка, что свое руководство не с того конца начала?

— Разумеется, нет, — без раздумий ответил Стеклов.

— Почему?

— Потому что идиотка, — грубо подытожил собеседник. — Ладно, давай теперь стратегию разрабатываем, как нынче в одну дуду дудеть...

На экстренном туалетном совещании было

принято мудрое решение: обстановку не накалять, посмотреть на дальнейшее развитие событий...

Вернувшись в кабинет, Стеклов принялся на компьютере набирать проект приказа о проведении в аппарате УВД и подчиненных подразделениях литературного конкурса на милицейскую тематику, что ранее по «Плану двухсотлетия МВД» обязана была исполнять Пилипчук, чуть не квартал успешно уваливавшая от сложного и объемного задания. Щербаков же взялся составлять справку о ходе реконструкции музея УВД, опять-таки изначально возлагавшуюся на Елену Владиславовну, которую (справку) начальник ОВР подполковник Попенко тщетно пытался выбить из подчиненной почти две недели. Сама же она приступила к любимому занятию – выколачиванию спонсорских средств из коммерческих структур для финансирования бесчисленных культурных мероприятий УВД.

– Алло, фирма «Абигайль»? – уточнила в телефонную трубку женщина. – Прекрасно. С вами разговаривает майор внутренней службы Пилипчук из Управления кадров областной милиции. Как имя-отчество вашего генерального? Очень хорошо... Соедините меня с ним... По вопросу делового сотрудничества... Нет, только с ним лично... Жду... Алло! Вас приветствует майор внутренней службы Елена Владиславовна Пилипчук из областного Управления внутренних дел. У нас в УВД через неделю проводится встреча с ветеранами-фронтовиками. Сценарий обычный: доклад, концерт, подарки. Вот о них и речь. Не смогли бы вы с их приобретением помочь как спонсор? Нам и надо-то сущие пустяки: тысяч так десять-пятнадцать перечислить... Что значит «нереально»? У вас прекрасное финансовое положение... Нет, зачем же? Мнение отнюдь не ошибочное – мы все справки предварительно навели. Смотрите, мы не настаиваем. Просто если хорошенько проверить финансовую деятельность любой фирмы... Вы же понимаете, недостатки обязательно обозначатся... Ах, вы подумаете? Уже лучше звучит. Так на какую сумму письмо о спонсорской помощи оформлять?.. Так... А может, и двадцать осилите?.. Ну хорошо, хорошо... Все, завтра с утра я у вас...

Закончив разговор, Елена Владиславовна победно оглядела подчиненных.

– Учитесь! – наставительно изрекла она. – Пять минут – пятнадцать тысяч!

И ожесточенно забарабанила по клавиатуре компьютера, выпечатавая очередной текст «протянутой руки». Потом с готовым письмом умчалась его визировать к руководству и клянчить на завтра машину, чтобы съездить в удачно «нагнутую» фирму. (Мысль о предстоящем пешем переходе или поездке на «лоховозе» неизменно и мгновенно вызывала у Пилипчук жгучую головную боль.)

Умелое выкачивание из всяческих АО, ООО и ТОО налички и ценных подарков натурой в пользу «управы», не забывая при этом и себя, любимую, и являлось главной работой-заботой Елены Владиславовны. А любой талант заслуживает уважения, тем паче столь неординарный. За то и ценили. Другой ее служебной ипостасью являлась организация помпезных фуршетов, финансируемых из тех же спонсорских подачек. Елена Владиславовна вдохновенно составляла меню чревоугодных застолий; выезжая на закуп продуктов, со знанием дела выбирала-перебирала их; сервируя стол, мастеровито нарезала балык или твердокопченку, так что ломтики их едва не просвечивались. А уж на юбилейных торжествах у руководства УВД Пилипчук-тамаде просто равных не было! Не зря же в ее сейфе целую полку занимали сборники поздравлений и тостов на все случаи жизни, откуда и черпались бесчисленные пожелания.

– Вот же умеет задницей перед генералами крутить, – обсуждали-осуждали соседку по кабинету Стеклов со Щербаковым. – Незаменимый человек – куда там нам! Зато грамотность на уровне фантастики! В хрестоматийном предложении «Казнить нельзя помиловать» вообще о запятой не помыслит...

Да что там: сам начальник ОВР недавно от души хохотал над представленным подчиненной проектом сценария встречи сводного отряда, возвращающегося из «горячей точки».

– Свежая фраза: «Девушка в национальном костюме казачки предлагает прибывшим отпробовать каравай с солью», – цитировал подполковник Попенко. – «Отпробовать»! Да где

ты русскому-то училась? Есть же для таких случаев глагол «ответдать»...

Русскому языку майор внутренней службы училась в одной из среднеазиатских республик. Давно. И долго — в студентках-заочницах аж двенадцать лет проходила, даром что именно филологического факультета. Шутили: мол, она в слове «еще» даже не на четыре, а на все пять ошибок способна.

Отчасти потому, а отчасти и по иным причинам Елена Владиславовна чуралась ежедневной кропотливой работы — составления различных рапортов, отчетов, справок. Если же из-под пера Пилипчук и выходил порой какой-то документ — кроме спонсорских писем, форма которых была давно определена, — начальник отдела, даже не читая бумаги, тут же передавал ее на доработку другим инспекторам. Плюясь и ругаясь от орфографической, пунктуационной и стилистической безграмотности сослуживицы, те всякий раз готовили текст заново.

...Вскоре она возвратилась в кабинет и озвучила распоряжение руководства: в связи с усложнившейся криминогенной обстановкой УВД переходит на двенадцатичасовой рабочий день — усиленный вариант несения службы.

— Ориентировочно на ближайшие три недели, — «успокоила» Пилипчук подчиненных. — Я уже и график набросала — распишитесь быстренько. Аппарату «управы» вообще послабление: каждый работает по усиленному всего раз в три дня, а остальные двое суток — обычный режим.

Офицеры изучили график.

— Это что же получается? — с недовольством спросил Щербаков. — Все субботы и воскресенье на нас раскиданы?

— Не пойдет... — вник в суть бумаги и Стеклов.

— Ну, знаете... — презрительно фыркнула Пилипчук. — Мужики, тоже мне! Постыдились бы такие вопросы поднимать! Я женщина, и у меня дети!

— И что с того? — усмехнулся Стеклов.

— Неужели не ясно? Одной за двоих родителей вчетверо труднее!

— Ну, знаете... — фыркнул теперь Стеклов. — Во-первых, вашим «детям» соответственно двадцать пять и двадцать два. Во-вторых, «одной за двоих» — это личное дело, если сегодня замужем, а завтра в разводе. Мы-то тут при

чем, коль вы ни с одним мужиком не уживаетесь? — (Елена Владиславовна успела расторгнуть три брака.) — В-третьих же, как учит нас руководство, в милиции разделения на мужчин и женщин нет: все сотрудники, и все денежное довольствие получают. А вы как наш начальник теперь еще и поболее нас. Стало быть, по одному выходному в каждую неделю будьте добры на себя расписать.

— Святое дело! — с жаром подхватил мысль товарища Щербаков.

— Ах, так! — и старший инспектор по ОП крутанулась на высоких каблуках, отчего черная плиссированная юбка приподнялась над ее коленками и глазам мужчин предстали тонкие ножки с обозначившимися венами. (Начальник Управления кадров своему главному спонсору хождение в гражданке попускал.)

...Вопреки желанию Елены Владиславовны, прибежавшей «капать» на строптивцев, подполковник Попенко встал на их сторону.

— Ты у нас теперь ответственное лицо, так изволь должность отрабатывать, — вальяжно развалившись в кресле, пояснил резко полнеющий офицер с мизинцами, украшенными длинными ухоженными ногтями.

Баловень судьбы, начальник ОВР еще во времена ношения лейтенантских погон удачно обзаконился. Избранница, скромная служащая банка, впоследствии сделала стремительную карьеру и стала управляющим. Подполковник был надежно защищен от безденежья, доходы свои тратил в удовольствие, поскольку жена получала зарплату на порядок выше денежного довольствия мужа, и беззаботную в финансовом плане жизнь его омрачало лишь упорное нежелание слабой половины афишироваться, «отстегнув» на престижную иномарку: личная одиннадцатая модель «Жигулей» являла собой большое место главы семьи.

— Вывод, — закончил Попенко, — усиление в один из выходных бери на себя.

— Благодарю! — чуть ли не выкрикнула Пилипчук и вновь крутанулась на каблуках.

— Всегда рад услужить, — усмехнулся подполковник и добавил подчиненной в спину: — Кстати, туалеты на службу советую поскромнее выбирать. Умолчим о возрасте, но ведь не школьница же...

— Учту на будущее!

И Елена Владиславовна на скорости вымелась из кабинета, а Попенко удовлетворенно полюбовался ногтем левого мизинца — прекрасный маникюр!

Больше в тот день краугольных событий не произошло: Пилипчук каталась по спонсорам, ее подначальные корпели над компьютерной клавиатурой. Ушла, правда, женщина со службы пораньше — под предлогом болезни младшего сына. Старшего она уже пристроила в службу по борьбе с экономическими преступлениями, ну а маленький пока заканчивал технический вуз.

...Следующим утром Стеклов и Щербаков положили на стол начальницы подготовленные накануне документы. Та их прочла медленно, активно помогая себе беззвучным шевелением губ, и основательно почиркала оба текста.

— Это не работа! — с возмущением откинула Елена Владиславовна забракованные бумаги на столы подчиненных. — Да вы элементарной вещи родить не в состоянии! Я, что ли, за вас думать обязана? Столько служебного времени впустую угроблено! Бездельники хреновы! Переделайте! Срочно!

Офицеры ознакомились с замечаниями. Растерянно взглянули друг на друга, со злом — на начальницу и, не сговариваясь, отпросились: Стеклов — якобы в туалет, а Щербаков — перекурить. На деле же они вместе явились к Попенко с жалобой на необъективность правок. Тот посопел и с постным лицом буркнул: «Разберемся!»

Стеклов в кабинет возвратился первым, Щербаков все же наскоро подымил. И немедленно был подвергнут нудному распекаанию на тему: «Работа ждать не будет!»

Какое-то время культуристы трудились молча. Ближе к обеду в кабинет по-хозяйски ввалился начальник ОВР.

— Мне это никак не нравится! — с места в карьер начал он. — Что еще за междоусобные войны? Если уж человека поставили руководить, значит, извольте подчиняться ее законным требованиям!

— А я им о чем твердила? — поддакнула сама старший инспектор по ОП. — Надо же, и дня не прошло, а они ябедничать помчались! Ничего-ничего, сочтемся!

Угроза в голосе старшего инспектора по ОП прозвучала более чем отчетливо.

— Теперь — по поводу документов, — и Попенко хмыкнул. — На месте не могли разобраться? Еще мне в эти детали вникать! Ладно, какие к ней конкретно претензии? — обратился подполковник к Стеклову. — Только в темпе, в темпе!

Майор взял исчерканный проект приказа по литературному конкурсу.

— Вот... Прямо с первого абзаца. Я написал: «Конкурс проводится среди сотрудников органов внутренних дел», а она переправила на «работников».

— И что? — вскинулась Пилипчук. — Так точнее!

— Не-ет, — с нажимом произнес Стеклов. — Напротив. Вы вообще-то хоть знаете, в чем разница между сотрудниками и работниками милиции?

— А с чего это вы на «вы»? — не понял начальник отдела.

— Так она же первым делом приказала... — в один голос ответили оба офицера.

— Ну... — удивленно посмотрел Попенко на новоиспеченную начальницу. — Без этого можно было бы и обойтись. Впрочем... О чем бишь мы?

— О работниках и сотрудниках, — мрачно напомнил Стеклов. — Это совсем разные категории служащих.

— Да-а? И какая же разница? — скептически уточнила Пилипчук.

— И как все же: сами, получается, не знаете? — поддел Стеклов.

Ответа не последовало.

— Сотрудники милиции — это люди в погонах, — пояснил майор. — А работники — те, кто тоже в нашей системе, но лица гражданские. Уборщицы, сантехники, секретарши... Инспектора в гражданском тоже есть, но их мало. Так конкурс что, только меж ними проводить?

— М-да-а... — протянул Попенко и нехотя признал: — Елена, а он ведь прав.

— Идем дальше, — продолжил Стеклов. — В приложениях к проекту приказа имеются состав жюри конкурса и лист согласования. Так она беспричинно лист согласования измарала, повторив на нем весь состав жюри. Это же совершенно разные документы! Вот вы сами спросите, она хоть понятие имеет, что это за лист?

— Елена? — Попенко поднял бровь.

— А я его вообще первый раз увидела, — с обескураживающей простотой сообщила Пилипчук.

— Как? Править то, о чем и понятия не имешь? — возмутился Стеклов.

— Хм... — начальник отдела поморщился. — Елена, ну к чему действительно здесь твоя фамилия? Председатель регионального отделения Союза писателей — да, генерал — да... Но с тобой-то что согласовывать? Зато вычеркнула начальника финслужбы, который как раз средства для поощрения дипломантов выделять будет. Соображаешь? Ладно, еще что?

Стеклов прошелся по всем правкам документа, доказывая их несостоятельность. Начальник был вынужден согласиться с критикой целиком и полностью. Затем настала очередь Щербакова.

— Как это: ОМОН города Н-ва? — горячился инспектор. — Мы же апробированно пишем: ОМОН УВД города такого-то. Дальше вообще маразм. Я говорю о традициях, которыми гордится милиция, и тенденции к их — увы! — разрушению, а она «традиции» заменяет на «понятия». Понятие — это логически оформленная мысль о предмете, и ее никак не разрушишь! Ага, еще она к «гордились» прибавила «и которые культивировала милиция». Это «разводить», «выращивать» — свиней, скажем, или брюкву. А понятия не культивируются. Хоть бы в словарь сподобилась глянуть! Нет: «Бездельники хреновы!» И с какого хрена?

Попенко против воли рассмеялся, но потом посерьезнел и увел Пилипчук в свой кабинет. Минут через десять она вернулась — притихшая, пунцовая и кусающая губы. Уткнулась в какие-то бумаги, однако вскоре неохотно попросила:

— Роман Юрьевич... Я тут письмо подготовила... Вычитайте стилистику...

— Во-первых, мне некогда, — резко отказался Стеклов, хотя раньше в подобных случаях всегда шел навстречу соседке по кабинету. — А во-вторых, это вообще не входит в мои должностные обязанности — править старших. Вас же потому над нами и поставили, поскольку вы нас куда опытнее и грамотнее, — сыронизировал он. — Вот, стало быть, и вычитывайте... нашу стилистику.

— Роман Юрьевич! Я вам приказываю! — и в женском голосе вновь зазвучала легированная сталь.

— Ага. Это уже интересно, — усмехнулся Стеклов. — Тогда уж, будьте добры, приказ в письменном виде, число, подпись. А я его немедленно обжалую по команде. Дальше — увидим.

— Эх вы! А еще мужчина, офицер! — презрительно воскликнула Елена Владиславовна.

— Точнее — старший офицер, — поправил Стеклов. — Но это еще не означает, что я за вас вашу работу делать нанялся. И впредь по подобным пустякам прошу не беспокоить.

— Меня тоже, — упредил возможную просьбу Щербаков.

— А с вами, Георгий Викторович, между прочим, вообще никто не разговаривает! — выкрикнула начальница и вынеслась из кабинета.

Немногим позднее телефон Стеклова зазвонил. На проводе был Попенко.

— Послушай, помоги ей, — полуприказал-полупопросил он. — Ты же знаешь, что у нее с русским не того... Что мне, самому, что ли, ошибки за ней исправлять?

— Не могу знать, — хмуро буркнул в трубку Стеклов. — Как она ко мне — так и я в ответ. Библейский принцип.

— Ты меня не понял? — повысил тон подполковник. — Я сказал: помоги ей!

...Стеклов прочел очередной текст «протянутой руки», сработанный Пилипчук.

— Не то, — сразу заявил он и поморщился. — Мы же тут просим бесплатно предоставить места на театральный спектакль, а не денег или какие-то вещи. При чем тогда «спонсорская помощь»?

— Ладно, а как надо-то? — поторопила критика автор текста.

— Скорее и точнее в данном случае — «культурная шефская помощь». Да, именно так...

Недовольная Елена Владиславовна пошла перепечатывать письмо.

После обеда она укатила с ним в театр. Щербакова начальник услад заказывать в «Ритуальных услугах» венки: скончался один из ветеранов УВД. На долю Стеклова выпало срочно подготовить приветственный адрес к юбилейной дате образования службы фельдъегерской связи. Однако майор никак не мог сосредоточиться на составлении поздравления, так как его постоянно отвлекал телефон Пилипчук. Ее спрашивали сын, престарелая

мать, соседка, подруги, какой-то «старый знакомый»... Были, впрочем, и звонки по службе.

— Черт! Ну ничего в голову не лезет, — раздраженно пробурчал офицер, бросая трубку и дописывая на листке фамилию очередного назваивавшего. — Ладно, скоро я тебя тоже проверю...

Отчитавшись перед возвратившейся Еленой Владиславовной, он попросился выйти и от постового в коридоре набрал свой рабочий номер. Долго слушал длинные гудки... Потом подошел к кабинету «культуристов»: сигнал вызова доносился даже из-за двери, но Пилипчук не подавала признаков жизни.

Стеклов распахнул дверь.

— Ну и как? Игра в одни ворота? — кивнул он на разрывающийся аппарат. — Значит, мы «трубу» бери-хватай немедленно, а вам оно до девятого этажа?

— А он только что зазвонил! — огрызнулась старший инспектор по ОП.

— Что ж ты так внаглую мозги паришь? — возмутился сослуживец, даже забыв про обращение на «вы».

— Роман Юрьевич! Предупреждаю: накажу за нарушение субординации и оскорбление старшего по должности! — выпалила с искаженным лицом женщина, в гневе вскочив со стула.

— Давай-давай... Может, сразу уволишь? Так у меня пенсия в кармане, — парировал майор. — А вот кто потом с документами работать будет?

— Разберемся! Найдем! И еще получше вас!

— Ну-ну... — Старший офицер скептически хмыкнул и пошел укладывать телефонную трубку аппарата постового.

До конца рабочего дня Пилипчук еще дважды цеплялась к Стеклову и единожды — к Щербакову, всякий раз стремясь раздуть из мухи слона. Когда мужчины уже собрались расходиться по домам, Елене Владиславовне, чья очередь была оставаться на усилении, позвонила завмузеем УВД. Ответив на какой-то вопрос приятельницы, Пилипчук в присутствии подчиненных демонстративно заявила:

— Слышь, Нина, тут мои мужики не по делу права качать стали. Ну, не будь я начальник: все равно обоим нагну! Пожалеют еще! И горько!

— Все бабы — дуры, — вместо прощания выдал Стеклов.

— И без исключений, — добавил Щербаков, закрывая дверь кабинета.

Офицеры шагали по коридору, не оглядываясь, а вслед им неслось:

— Роман Юрьевич! Георгий Викторович! С утра чтоб объяснительные! На моем столе! Накажу! Накажу!!!

...Третий рабочий день в группе культуры начался в меньшинстве: Елена Владиславовна на службу припоздала. Зато не успели остальные офицеры переодеться в форму (из дома они традиционно прибывали в гражданке), как инспектора и старшего инспектора потребовал «на ковер» начальник отдела.

— Что это такое? — метал громы и молнии подполковник Попенко, искоса бросая оценивающие взгляды на свой мизинцевый маникюр. — Вчера было восояси собрался — прибегают Пилипчук, вся в слезах и соплях! Вы как себя с непосредственным начальником ведете? Довести до инфаркта сговорились?

— Это она сама кого хотите — до инсульта... — возразил Стеклов.

— Мы еще в кабинете, а она завмузеем по телефону: «Мои мужики права не по делу качают! Так я их один хрен — нагну!» — изобразил Щербаков голос Пилипчук. — Мол, пожалеют, и горько! Какое она имеет право так гнобить?!

— Молчать! — хватил кулаком по столу подполковник. — И слышать не хочу! До седых волос дожили, а ни черта не понимаете! Я лучше вас вижу, кто что из вас собой представляет! Но генерал сказал: люминий! Ее назначить! Все! Без комментариев! И больше никаких разборок! Работать тихо, мирно, без сюрпризов! Свободны!

Однако сюрприз был преподнесен. Правда, не с мужской стороны.

Пилипчук в кабинете появилась ближе к одиннадцати. Как оказалось, к этому времени она уже накатала на имя начальника УК жалобу, суть которой сводилась к мысли, что подчиненные ее всячески третируют, а начальник им всемерно потакает.

— Достукались? — кричал в трубку Стеклову взбешенный Попенко. — Я же предупреждал, просил, приказывал! Сразу после обеда — всем к генералу!

— Да мы с ней вообще сегодня почти не общались, — пользуясь отсутствием Елены Вла-

диславовны — опять умчалась по спонсорам, — попытался объяснить Стеклов. — Работали тихо-мирно, как вы и завещали...

— Завещание вам скоро и подпишут! — рявкнул подполковник.

...Четверо офицеров сидели в приемной начальника УК. Минута в минуту назначенного времени появился хозяин кабинета.

— Проходите... Присаживайтесь... Не понимаю, что происходит у вас в отделе? — с места в карьер наехал генерал на Попенко. — Не можешь разобраться с подчиненными? Ну и к чему мне такой бесхребетный начальник?

В кабинете повисла тяжелая пауза.

— А вам что неясно? — обратился начальник УК к инспектору и старшему инспектору. — Чем вас Пилипчук не устраивает? Ну?

Стеклов начал что-то объяснять про литературный конкурс, Щербаков — про завышенные требования Елены Владиславовны. Прозвучало и то, и другое не очень убедительно: офицеры к подобному разговору оказались просто не готовы.

— Чушь и ерунда! — даже не дослушал объяснений генерал. — Мясные пирожки с яблоками! В общем, если я даже и ошибся, назначая ее на должность, все равно она будет вами руководить! А не нравится — можете переводиться, увольняться — скатертью дорога!

— Товарищ генерал, — рискнул вклиниться в агрессивный монолог Стеклов. — Но почему, признавая сам факт ошибки, вы не стремитесь ее как-то исправить?

— А потому... — и генерал привстал с навороченного кресла. — Потому что организация мы бедная. Видите? — И продемонстрировал вывернутые пустые карманы брюк. — Средств на наши бесконечные мероприятия надо столько, что никогда не хватает! Она же этот дефицит пополняет, и весьма успешно.

— Ну а как же повседневная работа? — подал голос Щербаков.

— Ничего, вы и вдвоем с документацией справитесь, — без обиняков заявил генерал. — Что-то не нравится или как? Так свято место пусто не бывает!

— Хорошо. Меня вообще-то в службу гражданской обороны звали, — решил Щербаков. — Что, если я напишу рапорт о переводе?

— Не возражаю...

— Мне, к сожалению, только и остается, что уйти на пенсию, — как-то буднично сообщил Стеклов.

— Пожалуйста, ваше право...

— Товарищ генерал, ну зачем же так сразу... — запротестовал было Попенко, осознав, что в одночасье может лишиться сразу двух опытных специалистов, а ведь, помимо выбивания спонсорских средств, на отдел возлагается большая и нескончаемая рутинная работа — и особенно в группе культуры, — которую просто будет некому делать. По крайней мере, пока не подберут кого-то взамен ушедших.

— Я все сказал! — резко разрубил воздух рукой генерал. — По рабочим местам! А ты пока останься! — вдруг остановил он сунувшегося вслед за подчиненными к двери подполковника и, уже не предлагая присесть, начал вторую серию разноса: — Ты что — китайский мандарин? Нет? Так чего тогда когти, как у собаки, отрастил? Тогда уж и на манер средневековых феодалов в Поднебесной еще специальными напальчниками обзаведись! А то звонит мне вчера замглавы администрации, к которому ты план по двухсотлетию согласовывать носил, и давай выговаривать: что, мол, за подполковник, чуть руку ему ногтем не располосовал — поздоровался, называется! Остричь! Сегодня! Немедленно! — генерал на секунду передохнул: он порой сам себя не мог остановить, «пока бензин не кончится». — И лопай поменьше, а то скоро в дверях застрянешь! Давно занятия по физподготовке игнорируешь? Похудеть! Срочно!

— Слушай, может, она у генерала того... Ну, минет... — уже в курилке в раздумье предположил Щербаков, доставая сигареты. — Так за нее горло драть...

— Скажешь тоже, — скривился Стеклов. — Да на кой ляд ему эта старая вешалка? Что он, если захочет, красотку с ножками от ушей не найдет?

— Вот то ж, — согласился капитан. — Так ты точно решил дверью хлопнуть?

— А что, у глупой бабы в подмастерьях ходить? Покорнейше благодарю...

И, как ни уговаривал в тот день в своем кабинете «культуристов» Попенко, оба офицера так-таки подали рапорта: один — о переводе, другой — об уходе на заслуженный отдых.

Через день Стеклов лег в госпиталь — «на больничку», обязательную перед увольнением. Щербакова переводили «с кровью», поскольку Попенко яростно требовал, чтобы капитан поработал еще хотя бы две недели, пока на его место не подыщут подходящую кандидатуру. Однако начальник службы гражданской обороны сумел потянуть одеяло на себя посильнее...

На вакантное место в итоге назначили зеленого лейтенанта — вчерашнего выпускника школы милиции. Через месяц молодой офицер от Пилипчук сбежал, и больше «в культуру», кого Попенко с кадровиками ни сватал, никто не шел.

Елене Владиславовне пришлось поставить крест на работе со спонсорами. Подготовленная ею документация немедленно вызывала у руководства непрекращающуюся мигрень, и подполковник вынужден был дорабатывать и перерабатывать бумаги сам, поскольку его попытки перевесить эту работу на психологов или дисциплинарщиков натолкнулись на их жесткое сопротивление. На голову ценного специалиста-тамады шишки сыпались, как денежные купюры в карман сотрудника ГАИ, принимающего экзамен по вождению. Женщина хваталась за множество дел сразу, в ито-

ге ничего не успевая. Она даже, усмирив гордыню, ходила к Щербакову, упрашивала того вернуться в отдел, только капитан майора послал, и далеко. А начальник ОВР отказывался визировать обходной лист Стеклову, заявляя, что «надо бы еще чуток послужить». Тщетно...

И тогда Елена Владиславовна приняла единственно верное для нее в сложившейся ситуации решение: быстренько накропала рапорт на увольнение в отставку сама. «Послужить еще», с учетом сведенной на нет работы со спонсорами, ее никто не уговаривал.

Постскриптум.

Холеные ногти на мизинцах
подполковник Попенко остриг.
При этом нещадно матерясь.

Фёдор Михайлович ОШЕВНЕВ

родился в 1955 году в городе Усмань Липецкой области.

Окончил химический факультет Воронежского технологического института и факультет прозы Литературного института им. А.М. Горького (семинар В.И. Гусева).

Четверть века отдал госслужбе в армии и милиции.

Ныне — майор внутренней службы в отставке, сосредоточен на литературной работе.

Прозаик, публицист, журналист.

Автор десяти книг и более ста пятидесяти публикаций в отечественной и зарубежной периодике.

Член Союза журналистов России и Союза российских писателей.

Живет в Ростове-на-Дону.

В журнале «Север» публикуется впервые.

